

УДК 903.5

Н.В. Полосьмак¹, Е.С. Богданов¹, Д. Цэвээндорж²¹Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия

E-mail: polosmaknatalia@gmail.com

E-mail: bogdanov@archaeology.nsc.ru

²Институт археологии АН Монголии

ул. Жукова 77, Улан-Батор, 210646, Монголия

E-mail: dtseven@yahoo.com

**КУРГАН № 22 В ПАДИ СУЦЗУКТЭ (МОНГОЛИЯ):
ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД***

В статье подробно рассматривается одно из элитных погребальных сооружений хунну, исследованное в 2012 г. в пади Суцзуктэ (Монголия). Хорошая сохранность дерева позволила реконструировать устройство погребальной камеры и гроба, а исследование этого погребального комплекса вручную – воссоздать все детали захоронения. По погребальному обряду кург. № 22 не отличается от исследованных ранее погребальных комплексов хуннской знати на территории Монголии и Забайкалья. Он демонстрирует приверженность высшей прослойки кочевого общества китайским традициям. Надо полагать, что к рубежу веков у хунну появились возможности с помощью ханьцев создать довольно сложные инженерные сооружения. В ходе изучения кург. № 22 в Ноин-Уле была получена уникальная коллекция предметов из органических материалов, включающая шелковые и шерстяные ткани китайского и западного происхождения, изделия из лака и дерева, а также высокохудожественные изделия из серебра и золота.

Ключевые слова: погребальный обряд хунну, Ноин-Ула, ханьские традиции, ханьская колесница «яо чэ», серебряные фалары.

Введение

Все известные на сегодняшний день погребальные памятники хуннской элиты были сооружены, вероятно, в конце I в. до н.э. – начале I в. н.э. (подробно об этом см.: [Miniaev, Elikhina, 2009, p. 21–28]). С чем связано появление этих погребальных комплексов, очень похожих на ханьские захоронения? У. Бросседер, пытаясь ответить на этот вопрос, опирается на основные положения культурной модели т.н. демонстративных погребений элиты, предложенной Г. Коссаком. Согласно этим положениям, социальная верхушка периферийных обществ под влиянием контактов с развитыми цивилизациями на определенном историческом

этапе начинала идентифицировать себя с сознательно выбранным партнером, следуя, в частности, заимствованному у него погребальному обряду (подробно см.: [Brosseder, 2011, p. 349–354]). Однако эти рассуждения, хотя и вполне уместны, но не дают исчерпывающего ответа на поставленный вопрос.

Для того, чтобы в степи появились могилы хуннской элиты в том виде, в каком они известны нам сегодня, помимо желания шаньюев и их окружения необходимо было соединение нескольких факторов, важнейший из которых – наличие людей, умеющих создавать такие конструкции, а также знающих детали и тонкости ханьской погребальной обрядности. Вероятно, к концу I в. до н.э. – началу I в. н.э. появились возможности для возведения этих довольно сложных сооружений с помощью ханьцев, способных осуществлять инженерное сопровождение проекта. Нельзя было бы без опыта проведения обширных земляных работ вырыть огромные могильные ямы глубиной

*Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 13-06-12026, Программы фундаментальных исследований Президиума РАН № 33.1.2.2 и Herda Henkel Foundation. Рисунки и реконструкции выполнены В.Е. Ковторовым.

иногда более 20 м в глинистых грунтах или в песке и без навыков в плотницком деле соорудить прочные герметичные двойные деревянные погребальные камеры с полом и колоннами с капителями. Уже С.И. Руденко, анализируя материалы раскопок экспедиции П.К. Козлова, отмечал, что «весьма вероятно, что гробы и погребальные камеры для знатных хуннов были работой китайских мастеров» [1962, с. 21].

Влияние ханьской погребальной обрядности прослеживается в захоронениях не только знати, но и рядовых членов хуннского общества. На забайкальских могильниках Ильмовая Падь, Черемуховая Падь, Дырестуйский култук, исследованных П.Б. Коноваловым, а также на Иволгинском могильнике, раскопанном А.В. Давыдовой, «погребальные сооружения, обряд захоронения и инвентарь могильников хунну демонстрируют удивительное сочетание элементов скотоводческой, земледельческой, оседлой и строительной культуры» [Коновалов, 1976, с. 209]. В Дырестуйском могильнике, как и в курганах Ноин-Улы, обнаружены дощатые гробы особой конструкции, стенки которых соединялись с помощью шипов на торцах, а крышка гроба могла состоять из двух плах, скрепленных друг с другом фигурными бантикообразными шипами [Там же, с. 167].

С увеличением количества китайских вещей в Степи возрастало их значение в быту и в культуре верхушки (да и не только верхушки) хуннского общества. Судя по материалам забайкальских могильников, китайские предметы вошли в обиход рядовых хунну. Так, в погребениях Ильмовой Пади Г.П. Сосновским были найдены три лаковые чашечки, а П.Б. Коноваловым – еще четыре [Там же, с. 160]. По мнению П.Б. Коновалова, осколки лакового покрытия в большинстве изученных им погребений Ильмовой Пади принадлежат находившейся здесь ранее лаковой посуде [Там же, с. 160–161]. Кроме того, костяные палочки для еды были обнаружены в семи погребениях Ильмовой Пади и в четырех – в Черемуховой Пади. Встречаются в рядовых погребениях и обломки китайских бронзовых зеркал [Там же, с. 161]. Особо следует отметить, что в трех рядовых могилах Ильмовой Пади Г.П. Сосновским были зафиксированы гробы, оформленные плотной цветной шелковой материей. Материя закреплялась так же, как и в элитных курганах хунну – мелкими металлическими гвоздиками, и украшалась четырехлепестковыми металлическими розетками. Следы обивки на гробах тканью, по наблюдениям П.Б. Коновалова, сохранились во многих могилах Черемуховой Пади и Ильмовой Пади [Там же, с. 158]. Археологические источники показывают, что высокопоставленные хунну одевались в китайские шелка, пили из лаковой посуды, носили китайские нефритовые и золотые украшения, упряжь их лошадей была украшена серебряными бляхами, изготов-

ленными в ханьских мастерских. Они привыкли к китайской пище, совершали торжественные выезды на ханьских колесницах и нередко имели китайских жен и советников. Китайское население – перебежчики и пленные – проживало на территории хунну, занималось земледелием и ремеслом. Подражание в погребальном обряде было логичным продолжением того, что уже свершилось в сознании кочевников – они попали под обаяние ханьской культуры. Если на первом «героическом» этапе своей истории хунну Маодуня самоутверждались с помощью силы, то в начале последнего этапа, на рубеже веков и во время правления Ван Мана они оказались под сильнейшим влиянием китайской культуры, которая пришла в Степь.

Итак, археологически зафиксировано, что появившиеся в Степи на рубеже I в. до н.э. – I в. н.э. погребальные сооружения хуннских шаньюев и их приближенных являются подражанием ханьским погребениям. Но эти усыпальницы во многом уступают подобным конструкциям ханьских императоров и даже высшей знати. По сравнению с последними даже самые большие курганы хунну – это незначительные сооружения, способные поразить воображение только кочевников, но никак не ханьцев, которые к этому времени уже создали скальную гробницу принца Лю Шэна, усыпальницы правителей удельного княжества Чу, мавзолей Мавандуя, гробницы ханьских вельмож и т.п. Иными словами, роскошь «демонстрационных» хуннских могил была относительной. Возможности хунну были невелики и, конечно, ничтожны по сравнению с теми ресурсами, которыми располагали ханьцы. Погребальные комплексы хуннских шаньюев и их окружения наглядно демонстрируют ту непреодолимую пропасть, которая разделяла две цивилизации в период их наибольшего могущества и противостояния.

Описание раскопок

Курган № 22 находился в центральной части могильника, расположенного в пади Суцзуктэ в горном массиве Ноин-Ула, в 100 м к юго-западу от кург. № 20 и в 100 м к северо-востоку от кург. № 31 (рис. 1). Надмогильное сооружение представляло собой задернованную плоскую четырехугольную платформу размерами 18×21 м, вытянутую по линии север – юг, с выступающими камнями ограды по краям (рис. 2). В центре находилась большая грабительская воронка диаметром ок. 6 м и глубиной 4 м. От южной стенки ограды в южном направлении отходил дромос (коридор); на поверхности он выглядел как невысокая (не более 0,5 м) насыпь, ооконтуренная рядом камней. Длина дромоса 17 м. В древности камни ограды составляли каменные стены, их высота предположительно ок. 1 м (рис. 3).

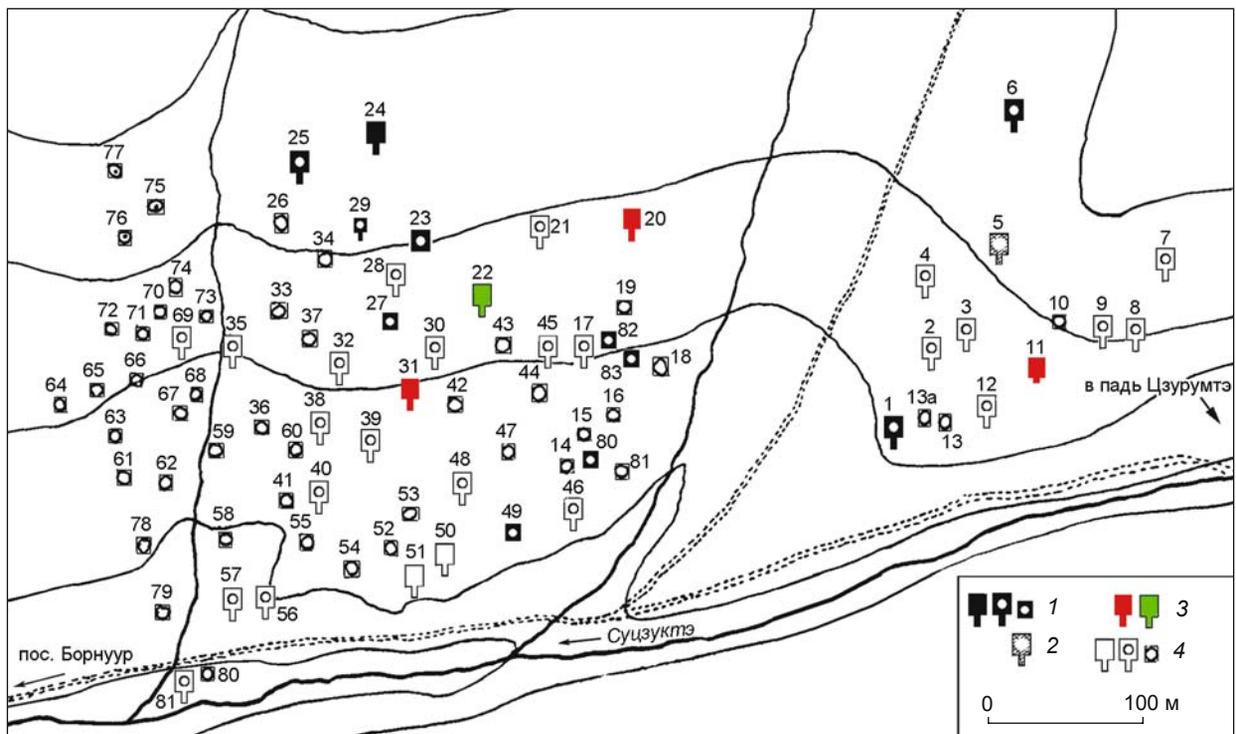

Рис. 1. Курганы могильника Суцзуктэ (по результатам экспедиции П.К. Козлова [2003]).
 1 – раскопанные в 1924–1926 гг. экспедициями П.К. Козлова, С.А. Теплоухова, Г.И. Боровки; 2 – раскопанные в 1927 г. экспедицией А.Д. Симукова; 3 – раскопанные в 2006, 2009, 2011, 2012 гг. российско-монгольской экспедицией; 4 – нераскопанные.

Рис. 2. Курган № 22 до начала раскопок. Вид с юга.

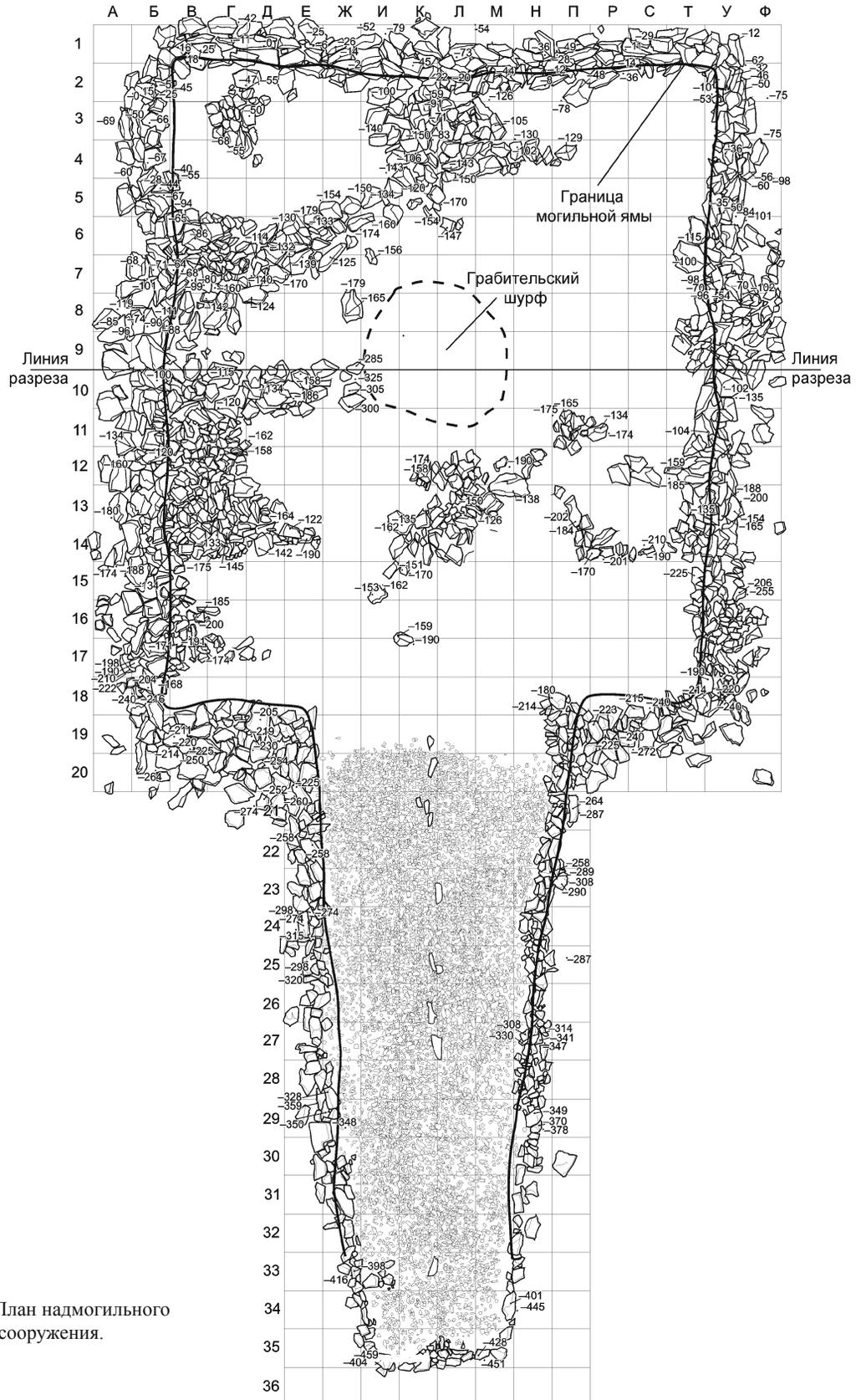

Рис. 3. План надмогильного сооружения.

Рис. 4. Вид на курган на уровне зачищенной крепиды. Стрелкой обозначен грабительский выкид.

Внутренняя часть наземной конструкции была засыпана грунтом, там же были каменные выкладки, а верхнюю часть дромоса покрывал мелкий обломочный камень (рис. 4). Могильная яма, края которой примыкали к ограде, занимала всю площадь кургана. Яма была вырыта ступенями (шириной не более 1,2 м) в плотном слое красного суглинка и галечника (рис. 5). Было пять ступеней (именно такое количество ступеней зафиксировано во всех исследованных ноин-улинских погребениях [Полосьмак, Богданов, Цэвээндорж, 2009, 2012]). У северной стенки почти вся первая (верхняя) ступень была разрушена еще в древности. Особенностью кург. № 22 является наличие по обеим сторонам дромоса (в верхней части) ступени. Очевидно, ее оставили, чтобы предотвратить обрушение высоких стенок. Обрыв дромоса был зафиксирован на глубине ок. 10 м, в этом месте слой красного суглинка сменился песчаным слоем. Далее стенки могильной ямы были отвесные. Пространство вдоль стен могильной ямы оказалось засыпанным песком, в центральной части – камнем, щебнем и материковым суглинком различной плотности и консистенции. Все заполнение могильной ямы было сильно насыщено водой. Мерзлотные слои в кургане не обнаружены. Почти на уровне каждой ступени находились различные каменные перегородки и выкладки (рис. 6–11). Разделяющие могильную яму на отсеки каменные перегородки имеются практически во всех курганах хуннской знати на территории Монголии и Забайкалья. Впервые они были выделены П.Б. Коноваловым при раскопках в 1970–1975 гг.

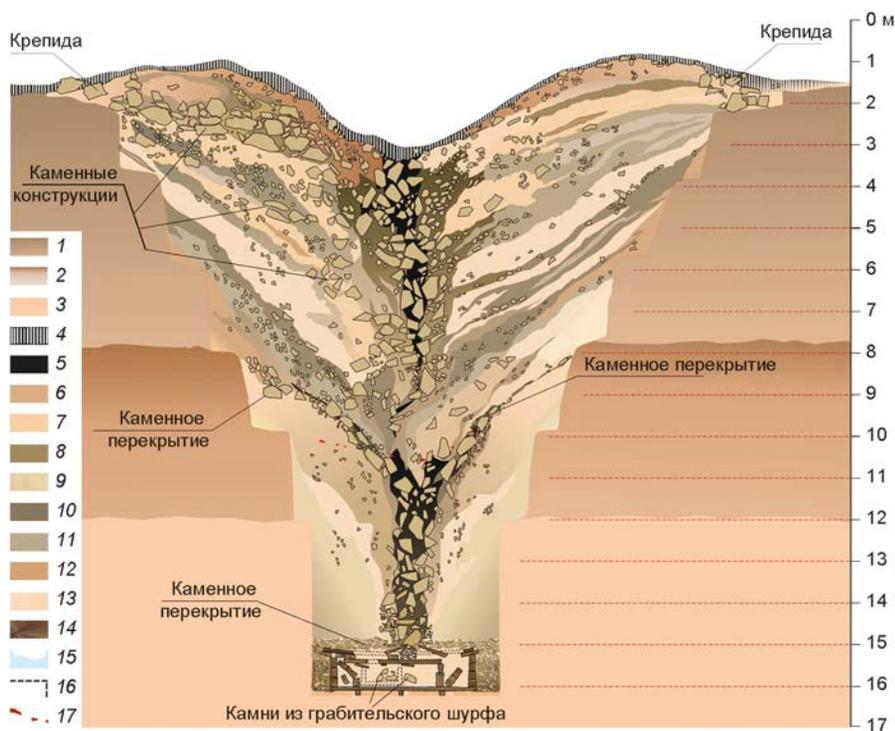

Рис. 5. Стратиграфия погребального сооружения. Материковые слои: 1 – слой щебня, глины и песка темного цвета; 2 – слой красного суглинка; 3 – слой крупнозернистого песка. Заполнение могильной ямы: 4 – дерн (гумусированный слой); 5 – гумусированное заполнение грабительского шурфа; 6 – мешаный слой светло-желтого цвета (грабительский выкид); 7 – песок темного цвета; 8 – слой темно-серого цвета (щебень, глина, песок); 9 – песок светло-желтого цвета; 10 – слой темного цвета из щебня и песка с гумусированными включениями; 11 – утрамбованный слой темно-серого цвета; 12 – слой красного щебня с песком; 13 – заполнение погребальной камеры, насыщенное водой; 14 – деревянные конструкции; 15 – глиняная обмазка сруба; 16 – части погребальной конструкции, не попадающие в разрез; 17 – колесница.

Рис. 6. Северная часть могильной ямы и грабительский шурф после зачистки каменных конструкций. Вид с юга.

кург. № 54 могильника Ильмовая Падь [1976, с. 153–154]. Однако в кург. № 22 конструкции из уложенных друг на друга крупных и мелких камней, а также плит располагались довольно бессистемно. Тем не менее они составляли «каркас», который помогал плотно заполнить могильную яму грунтом. Благодаря каменным конструкциям внутри ямы по прошествии времени земля не просела.

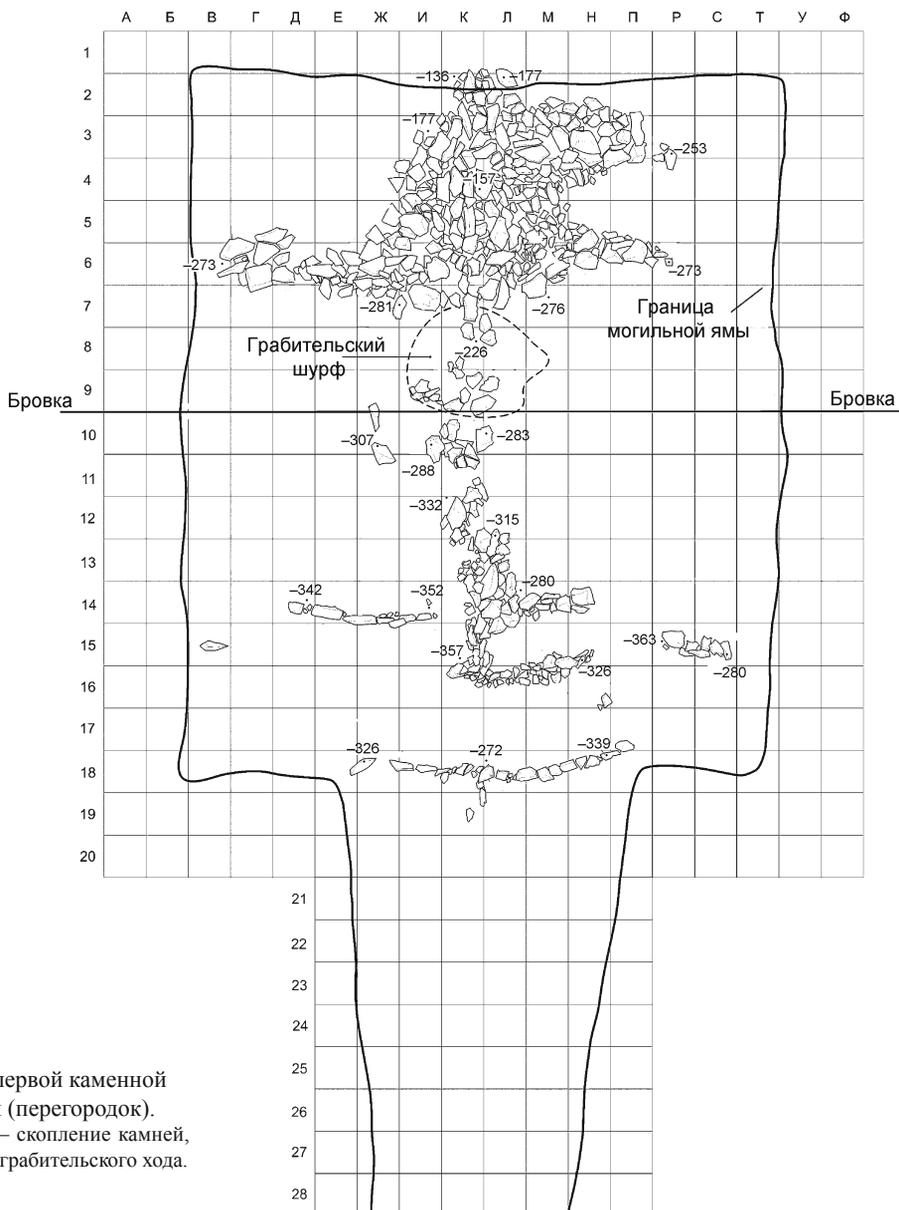

Рис. 7. План первой каменной конструкции (перегородок). В верхней части – скопление камней, выброшенных из грабительского хода.

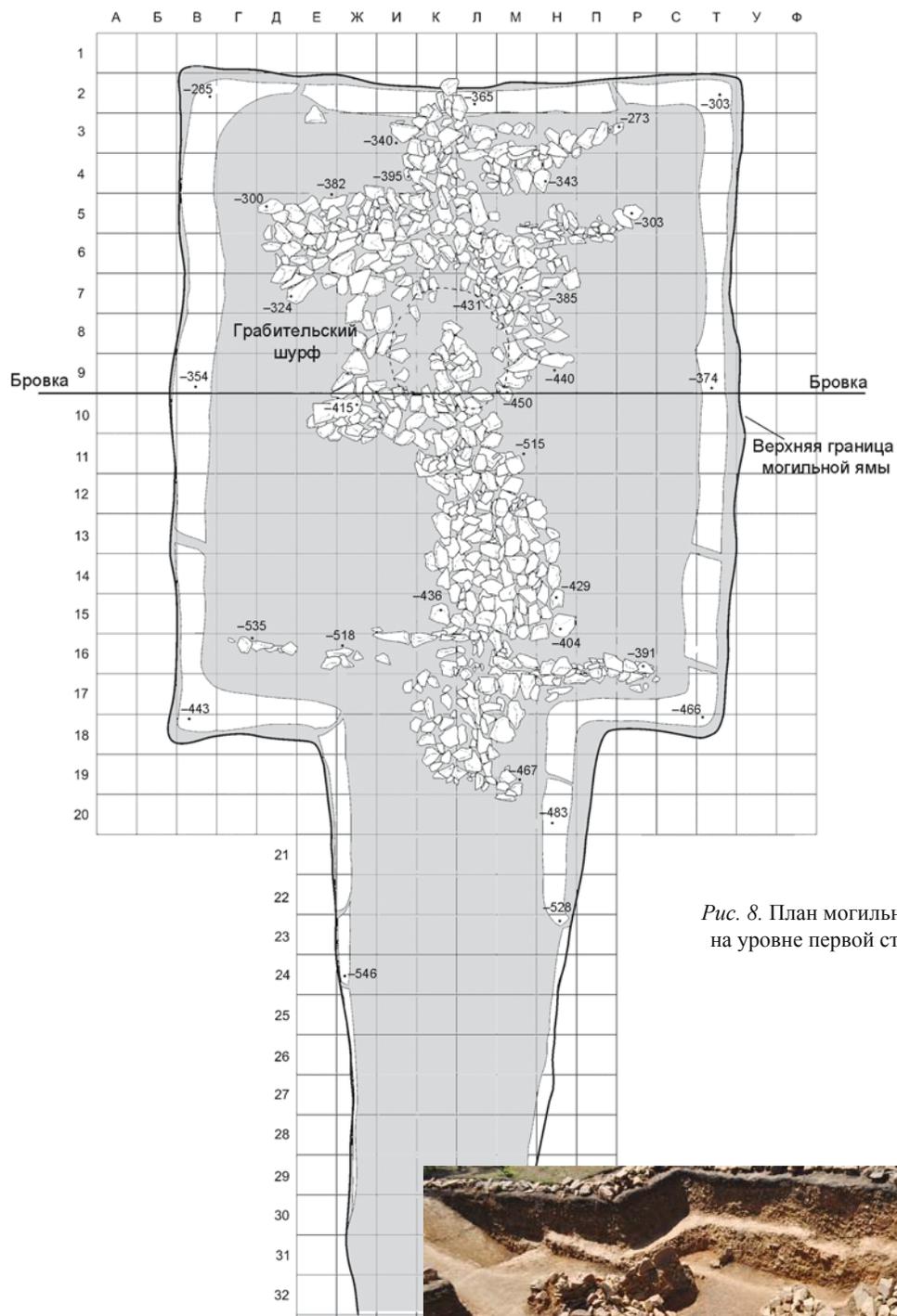

Рис. 8. План могильной ямы на уровне первой ступени.

Рис. 9. Курган после зачистки каменных конструкций на уровне первой ступени. Вид с северо-востока.

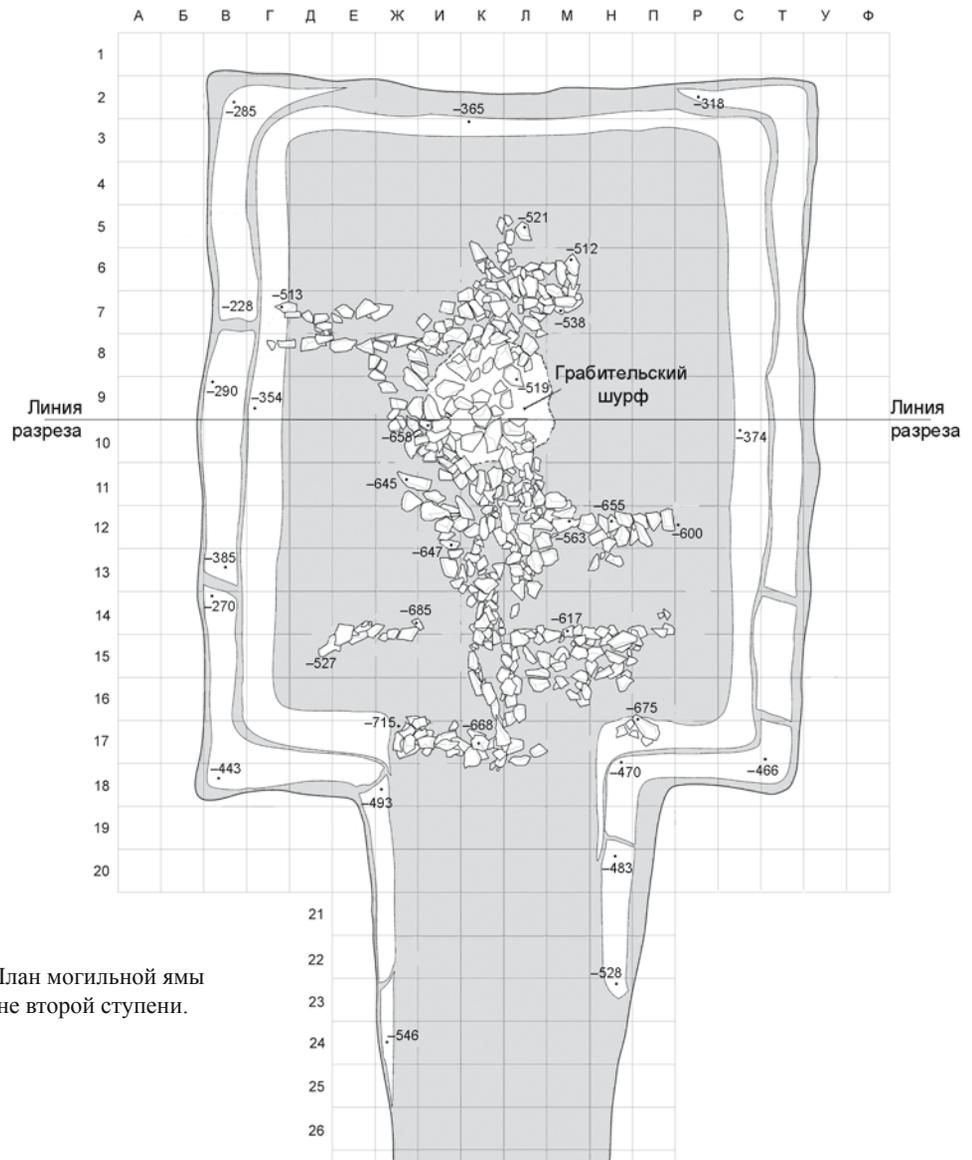

Рис. 10. План могильной ямы на уровне второй ступени.

Рис. 11. Могильная яма после зачистки четвертой каменной конструкции. Вид с севера.

Рис. 12. Могильная яма на уровне первого каменного перекрытия. Вид с севера. В центре – защищенные спицы зонта ханьской колесницы.

Перегородки прослеживались вплоть до колесницы, каменная обкладка зонта которой была обнаружена на глубине от 9 до 10 м, на уровне четвертой ступени (рис. 12). Китайская колесница с зонтом и с уложенными рядом колесами (рис. 13) находилась в южной части могильной ямы; она практически не пострадала при проходке грабительского шурфа (см. рис. 5). Этой находке посвящены отдельные публикации [Полосьмак, Богданов, 2012а, б]. Стоит еще раз отметить, что на территории Монголии китайская колесница в неразрушенном виде обнаружена впервые. Благодаря хорошей сохранности находки с большой достоверностью удалось реконструировать ее первоначальный вид и определить размеры: высота колесницы на колесах при ширине 2,2 м составля-

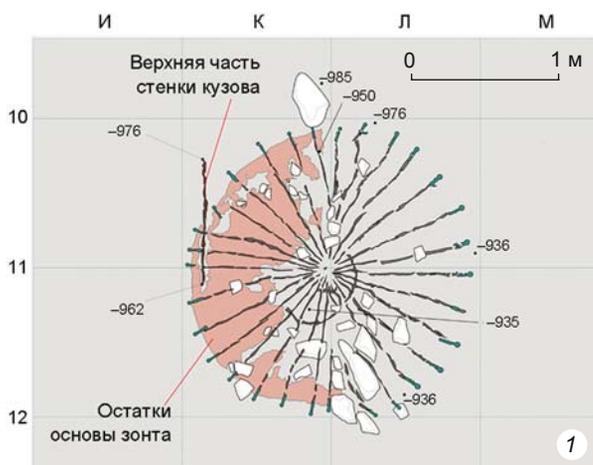

Рис. 13. Ханьская колесница.

1 – план зонта; 2 – спицы зонта с металлическими наконечниками; 3, 4 – колесница после зачистки.

Рис. 14. Могильная яма после зачистки первого каменного перекрытия.

ла 2,5–2,6 м. Было установлено, что деревянная основа кузова собиралась из плоских дощечек. Зафиксированы упоминающиеся в китайских источниках «летающие решетки» [Хуань Куань, 2001, с. 356–357] – дополнительный прямоугольный каркас из деревянных планок, обтянутый красным шелком (сохранились следы), на боковых стенках.

На глубине 0,5 м от уровня, на котором находилась колесница, было обнаружено первое перекрытие из крупных камней и плит, плотно уложенных в один слой по всей площади могильной ямы и на «входе» в дромос (рис. 14). Вся поверхность перекрытия покрывал слой древесного угля толщиной 5–10 см. На глубине 13,0–13,5 м (на 2 м ниже первого перекрытия) вся площадь могильной ямы была засыпана мелким обломочным камнем (рис. 15). Среди камней этого перекрытия вдоль восточной стенки найдены металлические детали колесниц: два бронзовых и один железный наосьники, железные шпильки, зажимные осевые кольца.

Все внутримогильные конструкции в центре были нарушены в результате появления грабительской ямы (см. рис. 5). Грабительскую шахту заполняли крупные камни, материковые суглинки и мощные гумусные прослойки. Глубина могильной ямы кург. № 22 составляла 16 м, стенки в ее нижней части были отвесные. Яма, аккуратно выкопанная в толще крупнозернистого песка, имела слегка закругленные углы.

Деревянные конструкции погребальной камеры показали на глубине 14,8 м. Над внешним срубом (из сосны) располагалось мощное деревянное перекрытие, которое состояло из 16 полубревен (толщина некоторых достигала 20 см), уложенных по линии запад – восток на три несущие балки (рис. 16). Балки опирались на стенки внешнего сруба и на девять внутренних подпорок – колонн. Пространство между стенками ямы и внешним срубом было плотно забутовано мелким камнем (рис. 17). Размеры ямы в нижней части 4,65×6,1 м.

Рис. 15. Второе каменное перекрытие после зачистки. 1 – железные части колеса; 2 – бронзовый наосьник № 1; 3 – бронзовый наосьник № 2; 4 – железный наосьник; 5 – обломки заостренных кольев с глиной и фрагментами ткани в грабительском шурфе.

Рис. 16. Могильная яма и погребальная конструкция после зачистки деревянного перекрытия внешнего сруба. В северной части видны два прорубленных отверстия. Стрелкой отмечено место обнаружения черепаховой шпильки и остатков ткани.

Стенки внешнего сруба были сделаны из шести полубревен толщиной не более 30 см, а внутреннего – из четырех плах размерами 15×25 см. Бревна коротких (северная и южная) стенок срубов были вставлены в пазы длинных (восточная и западная). Высота внешнего сруба не превышала 1,4 м, размеры 3,35×5,20 м.

У внутреннего сруба под тяжестью грунта и вследствие действий грабителей бревна из двух рядов восточной и западной стенок оказались выдвинутыми наружу. Реконструируемая высота внутреннего сруба не более 1,1 м, размеры 2,15×3,10 м. Плахи внутреннего перекрытия опирались на стенки внутреннего сруба и на несущую балку, которая, в свою очередь, покоилась на двух столбах. Столбы, вставленные в специальные пазы – отверстия в плахах пола, располагались по центру у южной и северной стенок внутреннего сруба. Сохранились *in situ* только 12 плах (толщина не более 15 см) внутреннего перекрытия. В северной части бревна внешнего и плахи внутреннего перекрытий были разрушены грабителями (см. рис. 16, 17). Через два прямоугольных лаза они проникли внутрь сруба и добрались до гроба. Рядом с лазом обнаружены обрывки шелковой ткани и черепаховая шпилька.

Срубы были установлены на полу из сосновых плах (21 шт.), уложенных по линии запад – восток. Плахи были стесаны с четырех сторон и довольно

Рис. 17. Погребальная конструкция после снятия деревянного перекрытия внешнего сруба.

Рис. 18. Западный коридор, заполненный голубой озерной глиной.

плотно подогнаны друг к другу. Ширина плах 25–30 см, толщина 15 см. Стенки срубов и потолок внешней камеры с наружной стороны в древности были «запечатаны» голубой озерной глиной, большое количество которой обнаружено внутри погребальной камеры (рис. 18).

В кург. № 22, как и в исследованных ранее ноин-улинских курганах [Теплоухов, 1925, рис. 7; Руденко, 1962, рис. 5, 10, 12, 15], между срубами были «коридоры» (рис. 19). В северном «коридоре» кург. № 22 обнаружены обрывки грубой ткани – вероятно, остатки мешков, в которых находилось просо. В северо-восточном углу найдены украшения и детали конского снаряжения (серебряные украшения с изображениями животных, бронзовые пряжки, пластины, пронизки, сломанные деревянные части выючных седел), большое количество кос и косичек из человеческого волоса, обрывки шелковой ткани, лучевые кости человека (рис. 20). На костях и серебряных украшениях зафиксированы следы огня, который, возможно, связан с действиями грабителей.

Рис. 19. Погребальная конструкция после снятия деревянного перекрытия внутреннего сруба. В центре – разбитый грабителями деревянный гроб.

На полу западного «коридора» находились лакированные спицы с металлическими наконечниками и деревянное навершие зонта, фрагменты шелковой и шерстяной ткани, деревянные детали выючных седел,

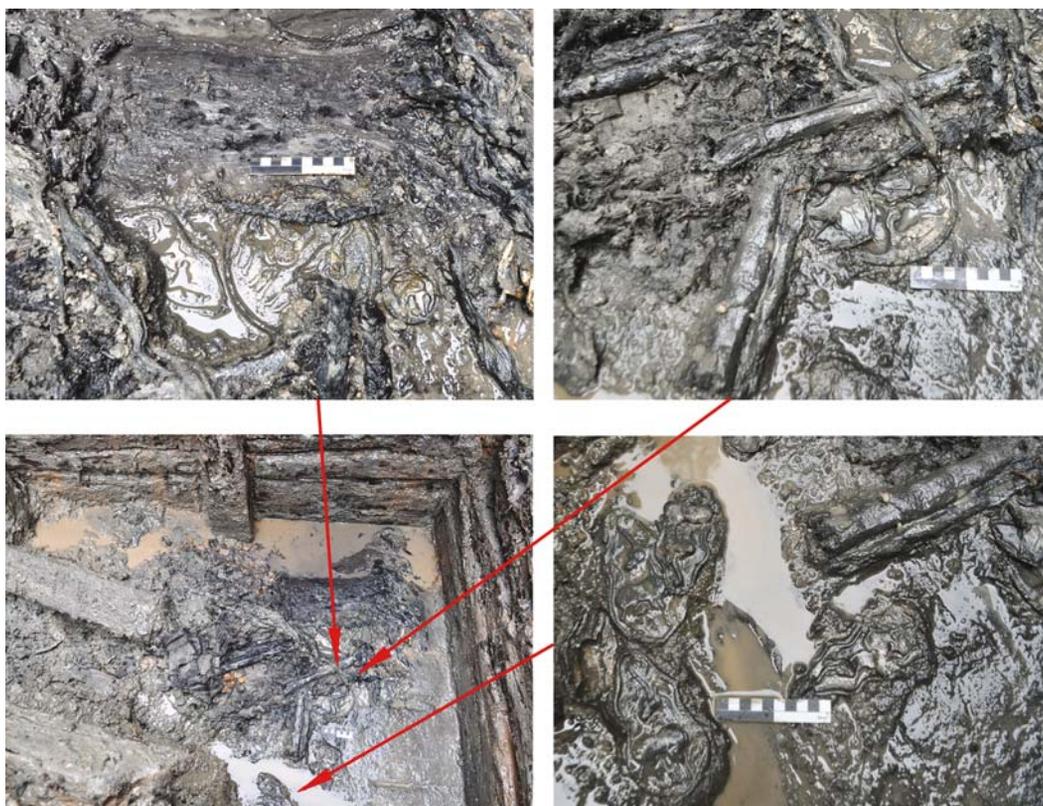

Рис. 20. Северо-восточный угол внешнего сруба. На полу лежат фрагменты костей рук человека, остатки ковра, обрывки ткани, серебряные украшения конской упряжи, заплетенные косы из человеческого волоса, деревянные обломки выючного седла.

металлические украшения конского снаряжения, небольшие деревянные заостренные колья с обрывками шелковой ткани (флажками) и шнурами, сплетенными из волоса (рис. 21, 22).

Верхняя половина соснового гроба была разломана грабителями и брошена рядом (см. рис. 19). Гроб размерами 0,8×2,3 м стоял на двух поперечных плахах; он был практически вплотную придвинут к западной стенке внутреннего сруба (см. рис. 19). По конструкции он аналогичен другим гробам, найден-

ным в ноин-улинских курганах [Теплоухов, 1925, с. 16–17; Руденко, 1962, с. 11–12, рис. 7, 8; Полосьмак, Богданов, Цэвээндорж, 2009, с. 375; 2012, с. 73]. Дно, стенки и крышка гроба были собраны из толстых досок (по 2 шт.) и соединялись с помощью бабочковидных закрепов (рис. 23, 2). Чтобы доски не расходились, шпеныки дополнительно закреплялись поперечными деревянными стерженьками. Короткие доски с четырехугольным зубом входили в соответствующие пазы и отверстия длинных. Боковые

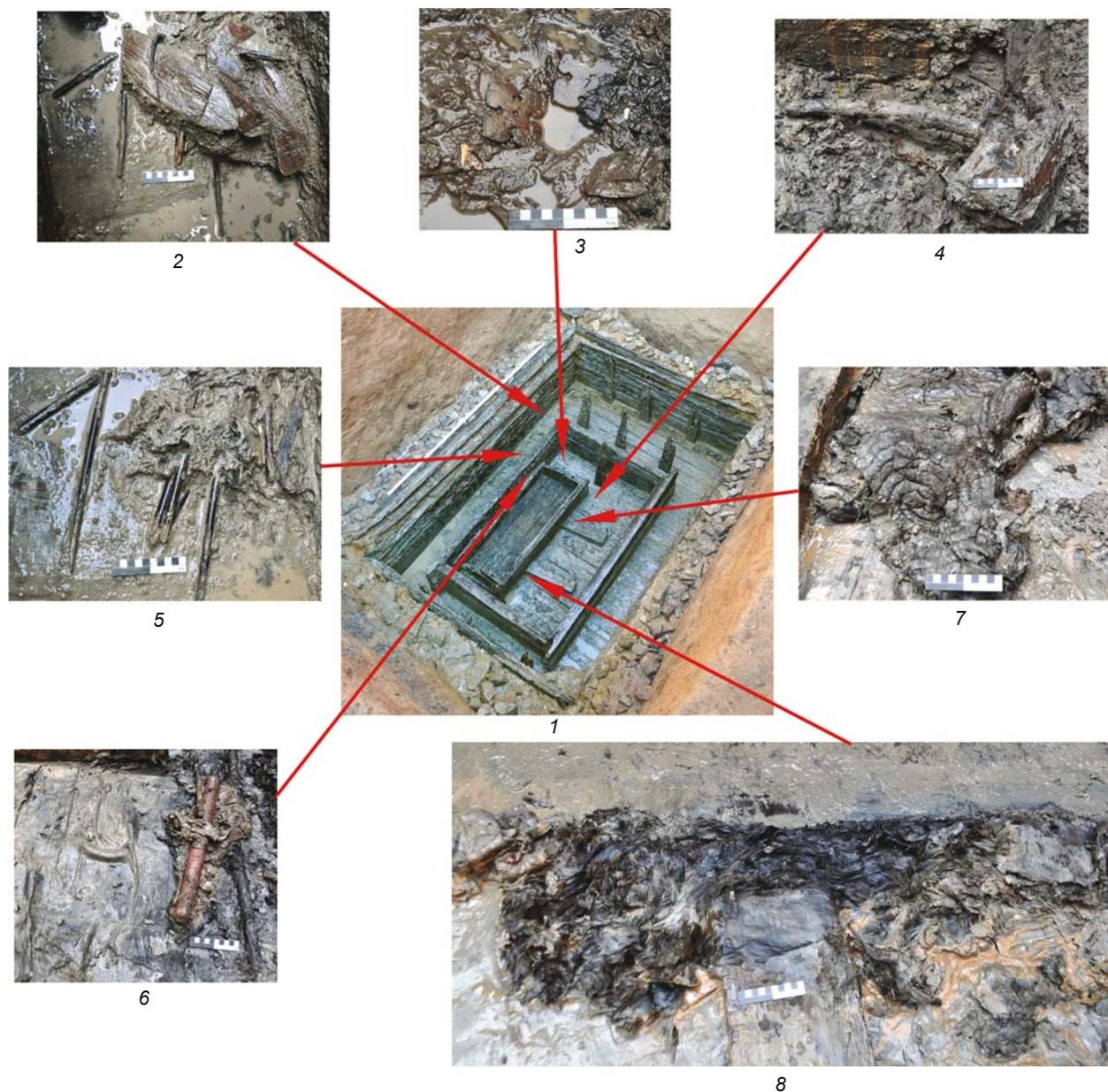
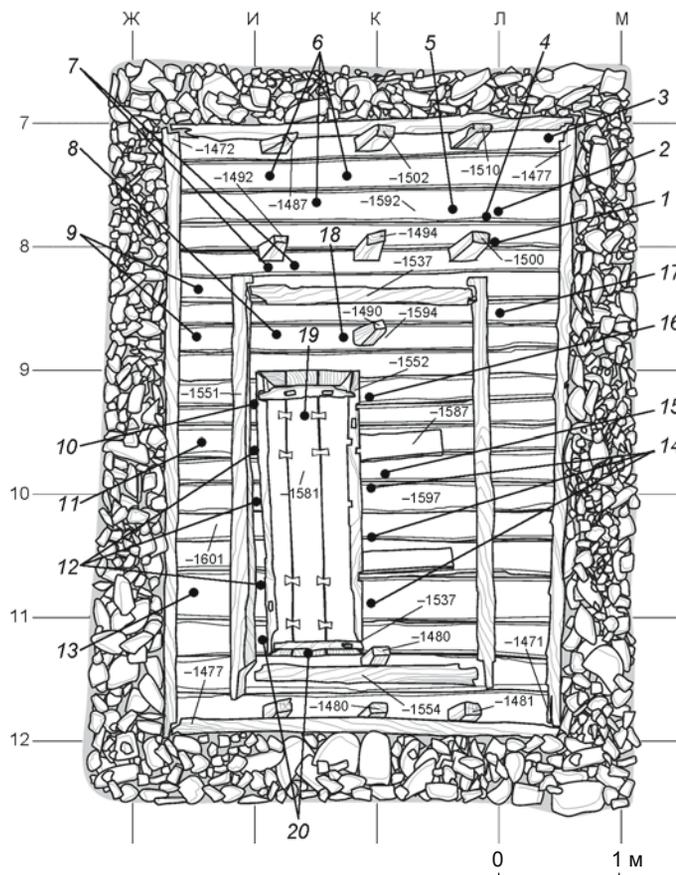

Рис. 21. Погребальная конструкция (1) и находки из внутреннего сруба (2–8). Вид с юго-востока. 2 – спицы зонта и обломки выючного седла; 3 – деревянные украшения гроба в виде четырехлистника с обрывками золотой фольги; 4 – деревянная колотушка (орудие грабителей); 5 – спицы зонта с навершиями и фрагменты шелковой ткани; 6 – фрагменты текстиля и металлический стержень (ручка от гроба?) на тканевом покрытии пола; 7 – остатки войлочного ковра со спиралевидным орнаментом у восточной стенки гроба; 8 – кусочки меха (фрагменты одежды?) и ткани на дне гроба.

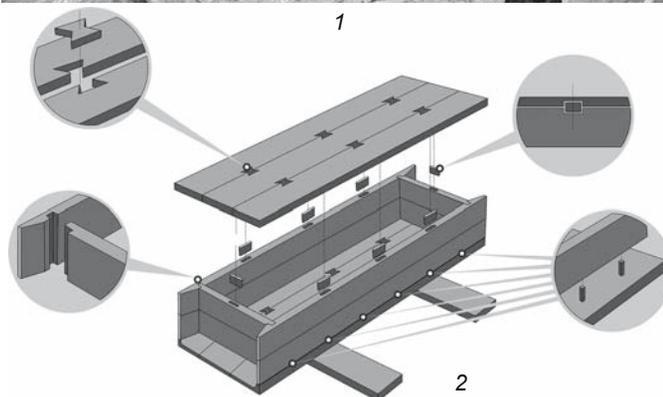
Рис. 22. План погребальной камеры с находками.

1 – скопление серебряных блях с изображением единорога, фрагменты ткани и косы; 2 – скопление серебряных блях и фалары с изображением единорога, фрагменты ткани, косы, бляшки и пронизки из уздечного набора; 3 – обломки выючного седла; 4, 15 – фрагменты костей рук человека; 5 – косы, бляшки, пряжки и пронизки из уздечного набора; 6 – косички из человеческих волос; 7 – фрагменты нефритовых изделий; 8 – деревянные украшения гроба с обрывками золотой фольги, фрагменты нефритовых изделий; 9 – спицы и напершие зонта, обломки выючного седла, фрагменты шелковой ткани; 10 – обрывки шелковой ткани и металлический стержень (ручка от гроба?); 11 – деревянные кольца с обрывками шелковой ткани, косы в тканевых чехлах, бронзовые пластины конской упряжи, обрывки золотой фольги украшения гроба; 12 – мех, фрагменты изделий из шерстяной и шелковой ткани, обрывки золотой фольги украшения гроба; 13 – бронзовые пластины украшения конской упряжи, фрагменты изделий из ткани; 14 – остатки войлочного ковра со спиралевидным орнаментом; 16 – обломки лакового изделия (изделий?); 17 – деревянная колотушка (орудие грабителей?); 18 – косички из человеческих волос, золотые украшения одежды; 19 – мелкие золотые украшения одежды (головного убора?); 20 – деревянные украшения гроба с обрывками золотой фольги.

стенки прикреплялись ко дну с помощью железных гвоздей (по шесть с каждой стороны). Рядом с гробом у западной стенки внутреннего сруба обнаружены: металлический стержень с полушарными окончаниями, обрывки шелкового халата с подкладом из шелковой ваты и меховой отделкой, шелковая вышитая ткань и обломки лаковых изделий (см. рис. 21, 22). У северной стенки гроба с внешней стороны находились нефритовые украшения (часть в обломках), а также некоторые украшения гроба из золотой фольги в виде четырехлепестковых розеток и полос (рис. 24), которые, очевидно, крепились к шелковой ткани, покрывавшей гроб, с помощью маленьких золотых гвоздиков. Рядом находилась кучка обломков деревянной основы этих украшений. Внутри гроба, в изголовье, обнаружены только мелкие золотые украшения (рис. 25, 11).

Весь пол погребальной камеры был устлан тонким, крытым шерстяной тканью войлочным ковром с подкладом также из шерстяной ткани (см. рис. 21, 7). Поскольку вода размывала и затянула внутрь погребального сооружения не только глину, специально уложенную между стенками могильной ямы и погребальной камеры, но и грунт из верхних слоев заполнения могильной ямы, сохранность этого изделия оставляет желать лучшего. Мы обнаружили на

Рис. 23. Деревянный гроб *in situ* (1) и реконструкция гроба (2).

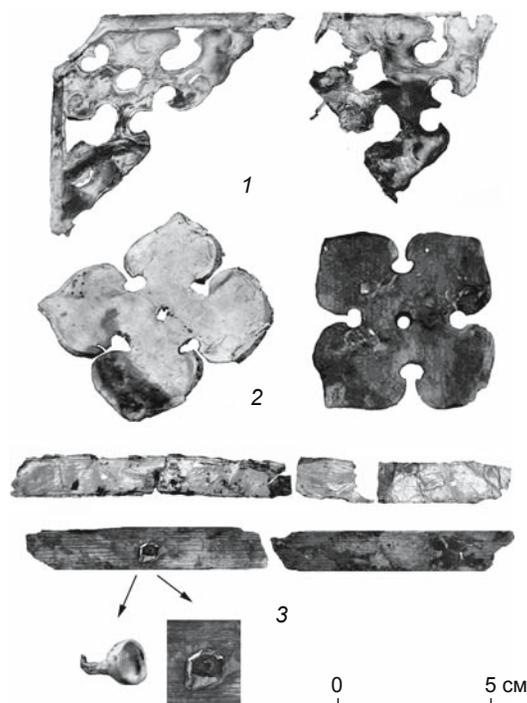

Рис. 24. Украшения гроба (золотая фольга и дерево).

Рис. 25. Находки из кург. № 22.

1–3 – украшения конской упряжи: серебряные блины с изображением единорога (до реставрации); 4–8 – медные детали конской упряжи; 9, 10 – бронзовые наосники; 11 – золотые украшения одежды.

полу погребальной камеры слои глины и грунта, из которых проглядывали отдельные нитки, части тканых изделий и куски войлока*.

Интерпретация и основные выводы

В целом по погребальному обряду кург. № 22 не отличается от исследованных ранее погребальных комплексов хуннской знати на территории Монголии. Интересными конструктивными деталями кург. № 22 являются небольшие ниши в западной и восточной стенках могильной ямы и в дромосе на уровне обрыва (рис. 26). В нишу дромоса были уложены небольшие плоские камни. Такие же углубления зафиксированы в кург. № 20 и 31 [Полосьмак, Богданов, Цэвээндорж, 2009, с. 374; 2012, с. 59, рис. 2, 25]. По всей видимости, в них вставляли несущие балки для деревянного перекрытия, созданного для того, чтобы вытаскивать грунт из ямы, а затем выносить его по дромосу из кургана. Наличие такой конструкции позволяло древним строителям выкапывать в песочном грунте глубокие вертикальные шахты.

О высоком статусе погребенного свидетельствуют двойная погребальная камера (рис. 27) и обнаруженная в кургане лакированная колесница. Подобные колесницы, но гораздо худшей сохранности обнаружены в кург. № 20 в Ноин-Уле и в погр. Т20 памятника Гол-Мод 1 [Полосьмак, Богданов, Цэвээндорж, 2012, с. 77–89; Desroches, 2007, рис. 21]. Эти колесницы относятся к широко распространенному в период Восточной Хань типу «яо чэ» с «летащими решетками» [Лю Юнхуа, 2002].

Особенность кург. № 22 – отсутствие керамической посуды. В хуннских погребениях, в т.ч. во всех ранее изученных курганах Ноин-Улы, она обычно находится в северных отсеках. Ни одного фрагмента керамики не обнаружено и в грабительском выкиде.

Из погребального инвентаря найдены в основном различные предметы конского снаряжения и фрагменты изделий из текстиля. Украшения конской упряжи практически из всех известных сегодня курганов хуннской знати выполнены в одном стиле [Полосьмак, Богданов, Цэвээндорж, 2012]. Их комплект из кург. № 22 состоял из серебряных блинчиков трех видов, на которых изображен единорог (см. рис. 25, 1–3). Это два круглых наплечных фалара диаметром 14 см, более десяти (некоторые в обломках) блинчиков в форме тыквы-горлянки длиной 13,5 см, четыре маленькие круглые блинчики диаметром 5 см. Композиция из двух стоящих друг против друга единорогов в зеркальном отражении, изображенная на фаларах, на хуннских и китайских

*В настоящее время комплекс вещей из кург. № 22 находится на консервации и реставрации в ИАЭТ СО РАН.

Рис. 26. Курган после окончания работ в погребальной камере.

древностях встречена впервые. Толщина изделий, изготовленных с помощью чеканки с выколоткой, не превышает 3 мм. На ряде блях заметны следы золочения.

В кург. № 22 обнаружено также большое количество фрагментов разнообразных тканей, среди которых – обрывки шелкового халата с подкладом из шелковой ваты и с меховой отделкой, вышитый шелк, покрытие зонта. Работа по реставрации еще не закончена, но уже можно заключить, что в погребении наряду с многочисленными и разнообразными шелками китайского производства находились тонкие шерстяные ткани гобеле-

нового переплетения средиземноморского происхождения. Инвентарь элитных курганов хунну начала I в. н.э. позволяет представить не только разнообразие «подарков» ханьского двора шаньюям, но и ассортимент товаров, которые доставлялись в Китай по Шелковому пути с Запада.

Во время раскопок кург. № 22 удалось подробно проследить, как происходило разграбление погребения. То, что курган был разграблен в древности, очевидно. Как и во всех других ноин-улинских курганах, в центре прямоугольной насыпи кург. № 22 была огромная воронка. По ходу продвижения вглубь грабители выбрасывали наружу камни каменных конструкций. На уровне наземного сооружения рядом с входом в грабительскую шахту (воронку) находилось большое количество камней. Со временем часть камней сползла вниз в яму, некоторые из них (самые крупные) оказались на дне шурфа, на полу погребальной камеры. В нижней части грабительской шахты, на уровне второго каменного перекрытия, обнаружены толстые березовые неошкуренные колья, заостренные и обожженные с одного конца. Ими грабители, чтобы добраться до захоронения, расклинивали перекрытия и стенки сруба. На это указывают куски синей глины и обрывки текстиля на кольях.

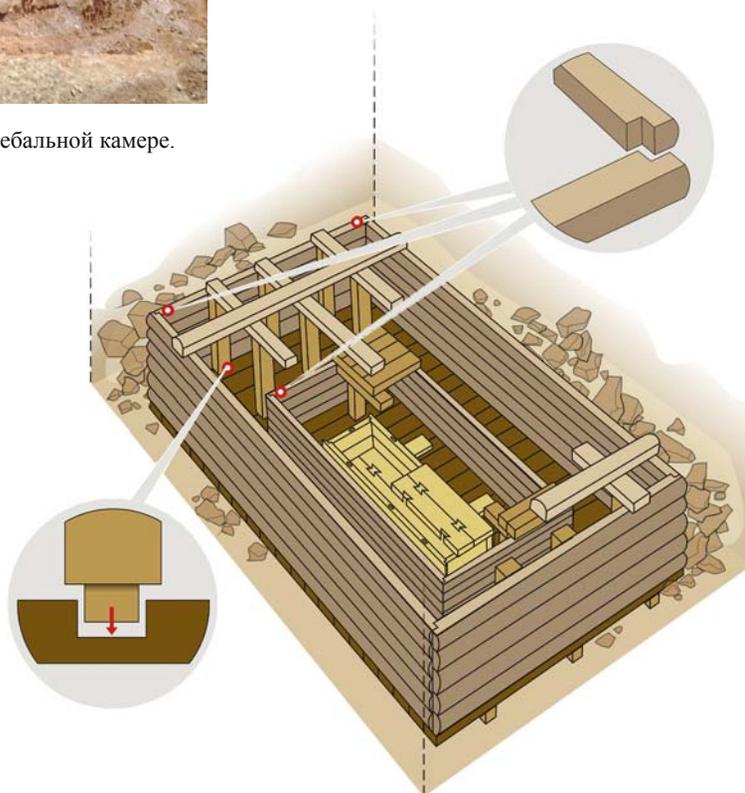

Рис. 27. Реконструкция погребального сооружения кург. № 22.

В перекрытии над внешним и внутренним срубам в двух местах были прорублены отверстия, но при этом сохранена основная балка-матица, чтобы можно было без угрозы для жизни находиться внутри срубов. Большое количество щепок и характерные следы на бревнах свидетельствуют о том, что грабители пользовались топором. Около северной стенки внутреннего сруба они оставили такие же березовые (только более тонкие) колья и деревянную колотушку, сделанную из ствола дерева (см. рис. 23, 4). Подобные колья были обнаружены при раскопках кург. № 20 и 31. В погребальном помещении кург. № 24 С.А. Теплоухов также обнаружил несколько березовых колеьев диаметром до 10 см. Их появление в захоронении он связывал с деятельностью грабителей [1925, с. 17].

Проникновение в могилу было и актом осквернения погребенного в кургане. Вероятно, поэтому тела знатных хунну (или то, что от них осталось) вытаскивали с большой глубины на верх. Во всех исследованных ноин-улинских погребениях на полу найдены лишь отдельные кости (см.: [Полосьмак, Богданов, Цэвэндорж, 2012, с. 75]). Считалось, что в результате расчленения и уничтожения тела погребенный лишался возможности посмертного существования, он уже не мог помогать своим соплеменникам, а сам курган, как и весь могильник, переставал быть маркером, указывающим на принадлежность этих земель хунну.

Список литературы

- Козлов П.К.** Дневники Монголо-Тибетской экспедиции 1923–1924. – СПб.: Наука, 2003. – Т. 30. – 1037 с.
- Коновалов П.Б.** Хунну в Забайкалье. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1976. – 247 с.
- Лю Юнхуа.** Древнекитайские колесница и конская упряжь (снаряжение). – Шанхай: Цышу чубаньшэ, 2002. – 201 с. (на кит. яз.).
- Полосьмак Н.В., Богданов Е.С.** Китайская колесница из 22-го ноин-улинского кургана // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы Итоговой сессии ИАЭТ СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012а. – Т. XVIII. – С. 267–269.
- Полосьмак Н.В., Богданов Е.С.** След китайской колесницы // Наука из первых рук. – 2012б. – № 4. – С. 6–17.
- Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Цэвэндорж Д.** Исследование ноин-улинского кургана № 31 (Северная Монголия) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы Годовой сессии ИАЭТ СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. XV. – С. 372–376.
- Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Цэвэндорж Д.** Двадцатый ноин-улинский курган. – Новосибирск: Инфолио, 2012. – 184 с.
- Руденко С.И.** Культура хунну и Ноинулинские курганы. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – 203 с.
- Теплоухов С.А.** Раскопка кургана в горах Ноин-Ула // Краткие отчеты экспедиции по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П.К. Козлова. – Л.: Изд-во АН СССР, 1925. – С. 13–22.
- Хуань Куань.** Спор о соли и железе. – М.: Вост. лит., 2001. – Т. 2. – 829 с.
- Brosseder U.** Belt plaques as an indicator of the east-west relations in the Eurasian steppe at the turn of the millennia // Xiongnu archaeology. Multidisciplinary perspectives of the first steppe empire in Inner Asia. – Bonn: Wilhelms-Universität, 2011. – Vol. 5. – С. 349–424.
- Desroches J.-P.** The French Archaeological Mission in Mongolia // International symposium in celebrations of the 10-th anniversary of MON-SOL Project. – Seoul: National Museum of Korea, 2007. – P. 190–202 (на англ. и кор. яз.).
- Miniaev S., Elikhina J.** On the chronology of the Noyon uul barrows // The Silk Road. – 2009. – Vol. 7. – P. 21–35.

Материал поступил в редколлегию 25.01.13 г.